

А.К. Бабореко

[Нобелевские дни]

Отрывок из книги с сокращениями

Пришло известие о присуждении Бунину Нобелевской премии. В официальном решении Шведской Академии говорится:

«Решением Шведской Академии от 9 ноября 1933 года Нобелевская премия по литературе за этот год присуждена Ивану Бунину за правдивый артистичный талант, с которым он воссоздал в художественной прозе типичный русский характер».

Это было чрезвычайно важное событие в его жизни. День присуждения премии он назвал «великим» для него днем. Жизнь переменилась — он взволнован, растроган вниманием друзей, прессы. Чуть ли не все французские газеты сообщали о решении Нобелевского комитета, многие из них напечатали биографические сведения о лауреате, интервью с ним. Книги Бунина быстро раскупались и вскоре исчезли из магазинов. С премией кончились материальная неурядица и свирепое безденежье, временами ложившееся на него тяжелым бременем.

Вот как все произошло.

«Девятого ноября 1933 года, — рассказывает со слов Ивана Алексеевича Андрей Седых, — И. А. Бунин сидел на дневном сеансе в кинематографе Грасса. Шла какая-то «веселая глупость» под названием «Бэби», и Бунин смотрел с особенным удовольствием, — играла хорошенькая Киса Куприна, дочь Александра Ивановича. Вдруг в темноте загорелся луч ручного фонарика. Л. Зуров тронул писателя за плечо и сказал:

— Телефон из Стокгольма. Вера Николаевна очень волнуется и просит поскорее прийти домой.

Первое, что подумал Бунин: жаль, так и не узнаю, что стало с Кисой в конце фильма. Отправились домой. По дороге Бунин начал расспрашивать: что, собственно, сказали?

— Непонятное что-то. Премия Нобеля... Ваш муж...

— А дальше?

— А дальше не разобрали.

— Не может быть. Вероятно, еще какое-нибудь слово было. Например, не вышло, очень сожалею...»

Вера Николаевна, пишет Кузнецова, «так дрожала, что ничего не могла понять», встретила пришедших из кино Бунина, Кузнецову и Зурова «красная и до крайности взволнованная»; «потом начались почти непрерывные телефонные звонки из Стокгольма и разных газет. За огромностью расстояния никто ничего не понимал, и говорить и слушать и отвечать на интервью приходилось почти исключительно мне, так как я одна могла хоть что-нибудь улавливать из гудящей трубки. Потом принесли телеграмму от Шведской Академии. Тут уж мы все поверили. Но это было только начало... Весь вечер не умолкали звонки из Парижа, Стокгольма, Ниццы и т. д. Уже все газеты знали и спешили получить интервью». За обедом пили шампанское, Иван Алексеевич «был чрезвычайно нервен, на всех все время сердился, и все вообще бегали и кричали».

Телеграмму в тайне не сохранили, всем все стало известно — и на rue de Grenelle, в советском посольстве, а оттуда — «энергичный протест», — писал Бунин Б. Зайцеву. Отношение кремлевских владык к решению Шведской Академии выразила «Литературная газета», напечатавшая статью в недоброжелательном тоне «Бунин, Горький и Шведская Академия»; без подписи, с заметкой от редакции.

На запрос из Стокгольма о гражданстве Бунин ответил, что он «refugie» — беженец.

Четырнадцатого ноября Бунин отправился в Париж — один: привести в порядок личные дела, встретиться с друзьями. Остановился Бунин в превосходном отеле «Мажестик» — отвели для него целые апартаменты, а плату взять за эту роскошь

отказались, платил Бунин столько, сколько полагалось за небольшой номер. «Это нам честь», – говорил хозяин. Не брали деньги и за обеды в лучших ресторанах, стоившие до тысячи франков, «почести ему большие», он «очень устал, по ночам не спит», а еще предстояли многие чествования и большой банкет, к которому должны приехать из Грасса обитатели «Бельведера».

Русский Париж ликовал при известии о премии русскому писателю, люди обнимались, поздравляли друг друга. Их как бы охватило, по выражению Б. Зайцева, «некое полоумие». Нищая эмиграция победила! Борис Константинович спешно писал статью «Бунин увенчан» — для «Возрождения», писал в типографии, в два часа ночи; напечатана была 10 ноября.

«Возрождение» чествовало Бунина. Б. Зайцев произнес речь о лауреате. Торжества были и в «Последних новостях» П. Милюкова, который в числе других поддержал кандидатуру Бунина на премию.

Многолюдное собрание происходило в театре «Champs Elysees» — в театре «Елисейских Полей». Вера Николаевна — в ложе с митрополитом Евлогием. Об этом вечере писали «Последние новости» и «Возрождение». Союз русских писателей и журналистов устроил торжественный вечер лауреату. Бунин взволнован, в редакции газеты «Россия и Славянство» на молебне плакал.

Читая прессу о нобелевских днях Бунина, кстати будет припомнить сказанные Верой Николаевной слова: без писателей «у эмиграции совсем не было бы никакого оправдания. Если о России говорят, что она велика лишь Толстым, Гоголем да Достоевским с Пушкиным, то что сказать об эмиграции, если отнять у нее писателей?».

Иван Алексеевич и Вера Николаевна сделали визит к Шаляпину, с которым не встречались давно, Вера Николаевна не видела его почти восемнадцать лет; он был, по ее словам, любезен, гостеприимен. Квартира богатая, с редкими вещами.

Посетил Иван Алексеевич и Мережковских. Зинаида Николаевна сказала:

— Ну что, облопались славою?

Дмитрий Сергеевич был угрюм, неразговорчив. Бунин выдержал положенные тридцать минут и удалился.

Ранее, когда только обсуждались в прессе возможные кандидатуры лауреатов, Мережковский предлагал Бунину заключить соглашение, заверив его у нотариуса: кто из них станет нобелевским лауреатом, другому отдаст половину премии. Бунин потом говорил:

— Зачем мне деньги Мережковского?

В Стокгольм отправляются с Буниным Вера Николаевна и Г. Кузнецова — она неофициально, как туристка и *fille adoptiv*¹. В качестве литературного секретаря и корреспондента различных газет сопровождал Ивана Алексеевича Андрей Седых — писатель и журналист, знавший иностранные языки, человек деловой, энергичный. Он «принимает все более командорский вид, – пишет Кузнецова. – Временами у него бывают жесты почти полководца. На Ивана Алексеевича он имеет большое влияние и недаром» — помощь его была неоценима. Седых говорит в своих воспоминаниях, что он «принимал посетителей, отвечал на письма, давал за Бунина автографы на книгах, устраивал интервью».

Третьего декабря Бунин уехал в Стокгольм. Ближайшие друзья сперва собрались в отеле «Мажестик», оттуда вместе с ним поехали на Северный вокзал.

Шестого декабря в Стокгольме встречали — русская колония и другие. Остановились в семье Нобелей-Олейниковых. Олейников был женат на сестре Нобеля. Квартира великолепная, мебель из красного дерева, всюду цветы; отдельный апартамент Бунина — из трех комнат; служит русская горничная, выписанная из Финляндии.

---

¹ Приемная дочь (фр.).

Иван Алексеевич «вел себя как *enfant terrible*² все время, кроме часов на людях, на банкетах и в гостиных, где был очарователен и неотразим, по всеобщему мнению. Дома же болел, и мы все возились с ним», – пишет Кузнецова.

По словам Седых, «успех Буниных в Стокгольме был настоящий... Десятки людей говорили мне в Стокгольме, что ни один нобелевский лауреат не пользовался таким личным и заслуженным успехом, как Бунин».

Программа чествования Бунина была обширная, особенно запомнился секретарю вечер святой Лючии. Бунин вошел в зал «под звуки туша, тысячи людей поднялись с мест и разразились бурей аплодисментов. Бунин двинулся вперед, по проходу, — овация ширилась, росла. Он остановился и начал кланяться ставшими знаменитыми в Стокгольме «бунинскими» поклонами. Потом выпрямился, поднял руки, приветствуя гремевший, восторженный зал. А навстречу к нему уже шла святая Люция, разгоняющая мрак северной ночи, белокурая красавица с короной из зажженных семи свечей на голове. Дети в белых хитонах несли впереди трогательные бумажные звезды, и оркестр играл Санта Лючию... Но вот, как-то совсем незаметно, наступил и день торжества вручения нобелевской премии, происходящего каждый год десятого декабря, в годовщину смерти Альфреда Нобеля».

Кузнецова пишет: «В момент выхода на эстраду Иван Алексеевич был страшно бледен, у него был какой-то трагически-торжественный вид, точно он шел на эшафот или к причастию. Его пепельно-бледное лицо наряду с тремя молодыми (им по тридцать — тридцать пять лет) прочих лауреатов обращало на себя внимание. Дойдя до кафедры, с которой члены Академии должны были читать свои доклады, он низко с подчеркнутым достоинством поклонился <...>

Первые, физики и химики, получили премию весело, просто. За третьего, отсутствующего, получил премию посол. Когда настала очередь Бунина, он встал и пошел со своего места медленно, торжественно, как на сцене».

Эстрада была украшена только шведскими флагами — из-за Бунина.

Лауреатов отвезли в Гранд-отель, откуда они должны будут перейти на банкет, «даваемый Нобелевским комитетом, – пишет в дневнике Бунин, – на котором будет присутствовать кронпринц, многие принцы и принцессы, и перед которым нас и наших близких будут представлять королевской семье, и на котором каждый лауреат должен будет произнести речь.

Мой диплом отличался от других. Во-первых, тем, что папка была не синяя, а светло-коричневая, а во-вторых, что в ней в красках написаны в русском билибинском стиле две картины, — особое внимание со стороны Нобелевского комитета. Никогда, никому этого еще не делалось».

В Гранд-отеле, на банкете, Бунину предстояло в «огромном чопорном зале, перед двором, говорить речь на чужом языке <...> Он говорил, – пишет Кузнецова, – отлично, твердо, с французскими ударениями, с большим сознанием собственного достоинства и временами с какой-то упорной горечью».

Премию Бунин получил, как он сказал корреспонденту газеты «Матэн», «возможно, что за совокупность моих произведений... Я, однако, думаю, что Шведская академия хотела увенчать мой последний роман “Жизнь Арсеньева”».

17 декабря Бунин уехал из Стокгольма.

Значительную сумму из полученной премии Бунин раздал нуждавшимся. Был создан комитет по распределению средств. Иван Алексеевич говорил корреспонденту газеты «Сегодня»: «...Как только я получил премию, мне пришлось раздать около 120 тысяч франков. Да я вообще с деньгами не умею обращаться. Теперь это особенно трудно.

---

² Капризный ребенок (*фр.*).

Знаете ли вы, сколько писем я получил с просьбами о вспомоществовании? За самый короткий срок пришло до двух тысяч таких посланий».

Куприн, получив дар от Бунина, писал в 1934 году:

«Милый Иван Алексеевич, Дорогой и старинный друг.

Не знаю, как и выразить мою признательность за твой истинно царский Дар. Обнимаю тебя крепко, целую сердечно. Благодарю тысячу раз. Ты представить себе не можешь, во дни какого свирепого, мрачного безденежья пришли эти чудесные пять тысяч, и как на редкость была кстати твоя братская помощь!

Христос с тобою, будь здоров, счастлив, спокоен духом.

Твой А. Куприн».